

ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ АДВОКАТУРЫ В ГОДЫ НЭПа

Г. Т. Камалова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Статья посвящена выявлению особенностей реализации функции защиты в советском суде. Переход к новой экономической политике настоятельно требовал обеспечения законности для всех категорий населения при рассмотрении гражданских и уголовных дел. В статье автор рассматривает возрождение адвокатуры в связи с переходом к новой экономической политике, показывает преемственность ее с дореволюционной. Анализ принципов подбора кадров (классовая принадлежность, партийность) свидетельствует о стремлении правящей партии к установлению действенного контроля за составом и организационной структурой коллегий защитников. Особое внимание уделено изучению функций и форм деятельности адвокатуры на Урале в зависимости от этапов НЭПа и изменений состава правящей партии.

Ключевые слова: *НЭП, адвокатура, РКП (б), Урал, партийность, классовый подход, коллегии защитников.*

Строительство правового государства, развитие демократических принципов политической жизни, укрепление законности и правопорядка относятся к числу важнейших задач постсоветской России. В связи с этим одной из узловых проблем становятся развитие и совершенствование правовых механизмов обеспечения государственной власти и устройства гражданской жизни. Реорганизация правоохранительной системы требует определения компетенции каждого из ее звеньев, установления четких принципов их деятельности. Методология преобразований предполагает в этих целях изучение исторического опыта.

Присяжная адвокатура Российской Империи была ликвидирована декретом СНК РСФСР от 22 ноября 1917 г. «О суде». По декрету «О суде» № 1 к выполнению функции защиты в уголовных делах и представительства в гражданских временно допускались «все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами» (ст. 3). Однако при этом декрет не определял форму организации судебной защиты. «На протяжении всех пяти лет нашего революционного строительства, – писал по этому поводу член коллегии наркомата юстиции (НКЮ) РСФСР Я. Н. Бранденбургский, – мы ни разу не собирались уничтожать защиту в судебном процессе. Мы только несколько раз меняли форму организации защиты, мы прошли несколько этапов, исторически совершенно не-

обходимых» [1]. Такими этапами в первые годы советской власти стали коллегии правозаступников, состоявшие из лиц, посвятивших себя правозаступничеству, как в форме общественного обвинения, так и в форме общественной защиты. В гражданском процессе в качестве представителей сторон могли выступать, как и прежде, ближайшие родственники, а также уполномоченные от советских учреждений. Однако исполнение судебной защиты на основе принципа трудовой повинности оказалось малоприменимым на практике. Кроме защиты в суде, население нуждалось и в иных видах юридической помощи. Оказывать ее по назначению судебных органов было невозможно, и потому эта задача возлагалась на отделы юстиции при губернских исполкомах и консультантов уездных бюро юстиции. Подобная форма организации юридической помощи, как показала практика, также оказалась нежизнеспособной.

Вопрос о воссоздании адвокатуры с особой остротой встал в начале 1920-х гг., когда процессы социальной дестабилизации приняли масштабы, угрожавшие целостности государства. Провозглашение новой экономической политики вызвало необходимость решения вопроса не только об укреплении законности, но и об усилении надзора за деятельностью государственного аппарата и правоохранительных органов. Стремление властей обеспечить каждому советскому гражданину право на юридическую помощь требовало уч-

реждения специальной организации, способной действительно осуществлять такую функцию. Эти обстоятельства способствовали возрождению института адвокатуры. Проект положения «Об адвокатуре» 22 февраля 1922 г. был утвержден СНК. 26 мая он был одобрен III сессией ВЦИК IX созыва и стал законом. 5 июля 1922 г. наркомат юстиции РСФСР издал положение «О коллегии защитников». В соответствии с этими документами создавались коллегии защитников по гражданским и уголовным делам при губернских отделах юстиции, впоследствии – при губернских судах.

Новый закон предусматривал возрождение института адвокатуры на губернском и уездном уровнях. О создании общероссийского объединения адвокатов в нем не говорилось. Это свидетельствует о преемственности в организации советской адвокатуры с дореволюционной. Обе адвокатуры были образованы лишь на местном уровне. У них не было центрального аппарата и идейной платформы. И та, и другая адвокатуры жестко контролировались министерством юстиции, не пользовались уважением судей и вынуждены были мириться с принижением их роли в судебной стадии. Обе зависели от государства в определении своих прав и обязанностей. Это подчеркивает государственную природу российской адвокатуры, отрицает общественный характер этого института. И, наконец, государство в обоих случаях смотрело на адвокатуру как на нечто второстепенное, мешавшее осуществлять государственную власть [21, с. 109]. Отсюда – стремление контролировать кадровый состав (классовая принадлежность, партийность) и сохранение действенных рычагов проверки деятельности (отчеты, чистки, проверки и т.д.).

На Урале сразу же после принятия положения «Об адвокатуре» во всех губернских городах развернулась работа по формированию коллегий защитников, и к осени 1922 года они были сформированы. Одной из первых в регионе была образована Екатеринбургская коллегия защитников при губернском совете народных судей. Органом управления являлся президиум, избиравшийся общим собранием членов коллегии, именно он руководил ее деятельностью, осуществлял прием и исключение из нее, решал текущие вопросы. Президиум имел право налагать дисциплинарные взыскания на защитников, наблюдал за исполнением ими обязанностей, назначал бес-

платную защиту, распоряжался денежными фондами, организовывал юридические консультации населения.

Восстановление адвокатуры в России в 1922 году в новом советском варианте остро поставило вопрос о кадрах. Персональный состав любого учреждения советской России во многом определялся правовым статусом и местом данного органа в государственной системе.

Специальное постановление ВЦИК «Об организации суда в Уральской области», а также временное положение «Об окружных коллегиях адвокатов» от 8 декабря 1924 г. [7] конкретизировали не только организацию, но и подбор кадров для коллегий в округах области. Положение не предусматривало образовательный ценз, а ограничивалось указанием на наличие двухлетнего стажа работы в должности не ниже следователя. Поэтому для пополнения состава коллегий создавались испытательные комиссии, которые экзаменовали всех желавших вступить в их состав. За деятельностью коллегий защитников надзор по округам осуществлял Уральский областной суд через своих уполномоченных [8].

Значительное большинство членов новых коллегий как в центре, так и на местах составляли так называемые буржуазные специалисты – члены профессиональной корпорации, получившие образование при царизме. В 1923 году примерно 75 % всех вступивших в коллегии получили образование до революции [2, с. 1–2]. Несмотря на принятие положения «Об адвокатуре», некоторые работники советского аппарата по-прежнему предвзято относились к институту правозащитников. Отрицательное отношение усиливалось в обстановке новой экономической политики в связи с тем, что адвокаты обязаны были оказывать юридическую помощь и «нэпманам».

В отличие от прокуратуры, неоднозначным был и вопрос о вхождении коммунистов в состав коллегий защитников. С одной стороны, институт адвокатуры представлялся большевикам элементом буржуазной правовой системы, а с другой – участие в нем коммунистов было необходимо для осуществления принципа классовости правосудия. В глазах многих партийных деятелей адвокат в суде чуть ли не защищал преступника от советской власти. Встречались и «левацкие» требования запрета работы коммунистов в коллегиях адвокатов [15, с. 2–5]. Проблема привлекала

к себе большое внимание, суждения были столь неоднозначны, что ЦК РКП (б) 2 ноября 1922 г. издал за подписью В. М. Молотова специальный циркуляр [19, с. 19] «О вступлении коммунистов в коллегию защитников». В нем указывалось: «Коллегия защитников представляет из себя позицию, которая, будучи захвачена враждебными советской власти элементами, сможет представлять собой угрозу для интересов рабочих масс при повседневном разрешении вопросов по имущественным спорам рабочих масс между рабочими и предпринимателями и частными лицами». Поэтому ЦК РКП (б) признал допустимым вступление коммунистов в коллегии защитников и их президиумы.

В циркуляре давались принципиальные инструкции, регламентировавшие деятельность коммунистов – членов коллегий защитников. Коммунистам в коллегиях запрещалось принимать дела о защите «буржуазных элементов» в их спорах против рабочих, государственных предприятий и учреждений. Кроме того, на них возлагались, по существу, полицейские обязанности: быть «органом надзора за антисоветскими элементами» в коллегии адвокатов [3; 16, с. 24]. Однако в адвокатуре в первые годы ее деятельности членов партии было мало. Со временем большевистские фракции постепенно взяли под свой контроль всю деятельность адвокатуры.

На Урале сложность подбора кадров заключалась в том, что лица, способные к выполнению обязанностей адвокатов, уже работали юрисконсультами предприятий, организаций, следователями трибуналов либо вообще не имели никакой юридической подготовки. Например, в Кургане об этом свидетельствует перечень специальностей защитников первого состава: хлебороб, писмоводитель, учитель, ветеринар, сапожник, служащий без специальности; юридический стаж имелся лишь у одного защитника из 17 [4]. В Екатеринбурге пытались допустить совмещение должностей. Однако НКЮ своим циркуляром № 55 от 7 июля 1922 г. запретил какие-либо совмещения должностей, кроме указанных в п. 4 положения «Об адвокатуре». Коллегия защитников была общественной организацией, поэтому в ее состав не могли входить служащие государственных учреждений и работники предприятий, за исключением тех, кто занимал выборные должности, а также профессоров и преподавателей высших учебных

заведений. В связи с этим Екатеринбургский губисполком предложил учреждениям, в которых состояли лица, указанные в списке на замещение должности адвоката, «не задерживать их на службе, если они изъявят желание вступить в коллегию защитников, так как ее создание является вопросом неотложным и большой важности» [22, с. 131]. Губернские отделы юстиции в регионе разрабатывали временные положения, регламентировавшие права и обязанности президиумов коллегий, членов коллегий, конкретизировали плату за оказание юридических услуг. Автономность коллегий выражалась в том, что только их первый состав утверждался президиумом исполнительного губернского комитета по представлению отдела юстиции. Губисполком проводил тщательную проверку каждой кандидатуры через особый отдел местного подразделения ГПУ. Так, после рассмотрения анкет кандидатов по представлению ГПУ было отказано Н. Н. Пономареву и И. А. Гилеву в приеме в Екатеринбургскую коллегию. Причина, указанная в секретной депеше, – «служба у белых, занятие контрреволюционной деятельностью» [12]. В дальнейшем же прием производился самой коллегией, которая была обязана лишь довести до сведения губернского исполкома данные о вновь принятых членах, хотя исполкому предоставлялось право их отвода.

Коллегии адвокатов в округах области значительно различались как в количественном, так и в качественном отношении. В Верхне-Камском округе коллегия адвокатов насчитывала всего пять человек, все беспартийные, из них один – с высшим образованием, три человека – со средним и один – с низшим. В Кунгурском округе в коллегии защитников было восемь человек, все беспартийные, из них – четыре человека с высшим образованием [9]. Более многочисленными коллегии адвокатов были в бывших губернских центрах. Наиболее многочисленной коллегией защитников на Урале была коллегия Пермского округа. В 1925 году она насчитывала 27 человек, в 1927 – уже 42 человека (рост в 1,6 раза). В ее составе все члены были беспартийными, с высшим образованием – 15 человек, со средним – 12, остальные – с низшим. Из 42 человек в сельской местности работало 15. Кадры окружной коллегии и по квалификации, и социальному составу были неудовлетворительными. Рабочие в ней составляли

всего 11,9 % от всех, крестьяне – 21,4 %, служащие – 66,7 %. Большинство было представлено бывшими секретарями судов, 38 % контингента имели стаж работы в органах юстиции менее одного года, лишь 11 человек – свыше трех лет [14]. В Перми правовую помощь населению оказывало также юридическое бюро, созданное в 1924 году Интересен состав лиц, обратившихся в него за помощью. Из общего количества (1782 человека) рабочие составляли 41,2 %, служащие – 57,5 %, прочие – 1,2 % [10].

ЦИК СССР 29 октября 1924 г. принял «Основы судостроительства СССР и союзных республик», в ст. 17 которых было определено, что коллегии защитников организуются на началах самопополнения под контролем губернских (областных) исполнительных комитетов. За период с 1923 по 1927 гг. в РСФСР в адвокатуру было принято 2000 членов. Особенно быстрый рост численности адвокатов наблюдался в крупных городах, где в условиях восстановления промышленности, активизации всех хозяйственных связей численность жителей увеличилась. Вместе с тем, количество адвокатов в стране было совершенно недостаточным. Как отмечал «Еженедельник советской юстиции», если в царской России около 400 городов не имели ни одного адвоката, то и в современной России в провинции их тоже почти нет.

На V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в 1924 году указывалось, что 75 % адвокатов находится в губернских центрах [17, с. 2; 24, с. 46]. На Урале в первой половине 1920-х гг. также основная часть адвокатов работала в областном центре (19 человек), а в окружных центрах – по 1–2. Правящая партия через особые отделы ГПУ постоянно держала кадры адвокатуры под жестким контролем. В Уральской области в большинстве округов проверили личные дела адвокатов. Так, среди свердловских адвокатов были выявлены классово чуждые элементы: «Лубяновский защищает «нэпмачей»; Попов «к советской власти не весьма лоялен» и «разлагающе действует на членов суда», Шилев – бывший эсер; С. С. Кузнецов имеет склонность к затягиванию дел и получению высоких гонораров от трудящихся. Все они были исключены из коллегии «без права поступления в другие коллегии защитников», и принято решение «взамен исключенных лиц подобрать членов РКП (б)» [23].

Свертывание НЭПа, переход к административным методам руководства экономикой усилили негативные тенденции в государственно-партийной политике по отношению к адвокату. По положению «О судостроительстве РСФСР» (1926 г.) губернские (областные) исполнительные комитеты советов получили право отзывать отдельных адвокатов по своему усмотрению. Ужесточились требования к членам коллегий по партийной и классовой принадлежности, моральному облику. Так, уполномоченный Уральского областного суда по Курганскому округу, характеризуя состояние адвокатуры в округе, отмечал текучесть кадров, «уклон к выпивке и бюрократизму» [5].

Ужесточение требований привело к снижению численности коллегий практически во всех округах Уральской области. Так, в Курганском округе число адвокатов в окружном центре на 1 января 1927 г. составляло 16 человек, в сельской местности – 11. На 1 января 1928 г. соответственно: 10 и 5 (то есть осталось в городе – 62,5 %; в районах – 45,5 % от уровня 1927 года), а на 1 января 1929 г. в городе Кургане было всего 8 адвокатов, в районах тоже 8 и соответственно практикантов: 3 и 1 [6]. Малочисленность состава окружных коллегий защитников, огромная территория, которую они обслуживали, резко снижали возможности по оказанию реальной юридической помощи населению. Процессы, происходившие в это время с адвокатской корпорацией, как показывают документы коллегий Уральской области, отражали стремление советской власти не только нейтрализовать оппозиционно настроенную, доставшуюся от старого режима адвокатуру, но и заменить ее организацией адвокатов с наименьшим составом и минимумом функций.

В 1920-е гг. деятельность советской адвокатуры протекала в двух основных формах. Одной из форм была частная практика адвокатов, другой – работа в юридических консультациях, но если в 1922–1925 гг. соблюдалось определенное равновесие между ними, то во второй половине двадцатых годов властные структуры отдают явное предпочтение коллективным формам. Процессы свертывания НЭПа, начавшиеся с 1926 года, сопровождались ликвидацией еще неокрепших элементов либерализации государственных структур. В отношении адвокатуры контрреформаторство проявлялось в изменении не

только форм и методов работы, но и содержания. Прежде всего усиливался надзор за деятельностью коллегий адвокатов. Статья 11 Положения «О судеустройстве РСФСР» 1926 года четко указывала, что коллегии защитников «действуют под непосредственным надзором и руководством областных, губернских и окружных судов». В главе XII Положения, полностью посвященной коллегиям защитников, были изложены принципы организации и деятельности коллегий защитников. Особое внимание в Положении «О судеустройстве РСФСР» (1926 г.) было уделено вопросу оказания населению правовой помощи бесплатно. Статья 84 Положения предусматривала исключение адвоката из коллегии за невыполнение обязанностей по оказанию бесплатной юридической помощи. В связи с этим НКЮ специальным циркуляром № 177 требовал максимального расширения сети юридических консультаций, особенно в сельской местности. Так, в Челябинском округе количество бесплатных консультаций, оказанных населению коллегиями защитников в 1928 году, возросло по сравнению с 1927 годом почти в два раза [20].

Власти стали поощрять отказ адвокатов от индивидуальной практики и частных кабинетов и переход к коллективным методам работы в юридических консультациях. НКЮ РСФСР видел в создании коллективов защитников прогрессивную форму оказания юридической помощи населению, более соответствовавшую самой сущности советской адвокатуры. С 1928 года по инициативе НКЮ была начата борьба с частнопрактикующими защитниками, которые якобы «способствовали засорению адвокатуры». Акцент делался исключительно на коллективную консультативную форму деятельности. Запрет на частную практику адвокатов породил в РСФСР такое явление, как «подпольные адвокаты». На Урале наибольшее распространение оно получило в Пермском округе [11].

Особое внимание партийные органы обращали на соблюдение классового принципа в работе адвокатских коллегий. Вопросы оказания юридической помощи населению рассматривались на областных и окружных совещаниях работников прокуратуры и суда Уральской области. Так, в протоколе Курганской окружной комиссии по «чистке» госаппарата от 3 апреля 1930 г. отмечалось, что «коллективы коллегий защитников совершен-

но не учитывают классового принципа политики партии» и «вместо бесплатного обслуживания беднейшей части населения адвокаты оказывают юридическую помощь на дому «чуждому элементу» за огромную плату». Из рядов ВКП (б) был исключен член коллегии М. Ф. Осипов за связь «с чуждым элементом» [13].

В период с 1928 по 1929 гг. деятельность адвокатуры была существенно ограничена. В результате реорганизаций индивидуальная практика адвокатов была заменена работой в так называемых «коллективах защитников». «Коллективизация» адвокатуры осуществлялась принудительными мерами, сопровождалась изъятием средств коллективов защитников на нужды НКЮ и лимитировала возможности адвоката выступать в суде [18, с. 162–164]. Коллегии адвокатов все более ограничивали свою деятельность юридическими консультациями, а не защитой интересов клиента в суде. Это выхолащивало самую суть адвокатуры. Адвокат фактически стал представлять интересы социалистического государства, «самого передового общества», но никак не своего клиента.

Литература

1. Бранденбургский, Я. Н. Революционная законность, прокуратура и адвокатура / Я. Н. Бранденбургский // Советское право. – 1922. – № 2. – С. 3–16.
2. Бранденбургский, Я. Н. К вопросу о юридической помощи населению / Я. Н. Бранденбургский // Еженедельник советской юстиции. – 1924. – № 7–8. – С. 1–2.
3. ГАКО (Государственный архив Курганской области) Ф. Р. 178. Оп. 2. Д. 7. Л. 1.
4. ГАКО Ф. Р. 782. Оп. 1. Д. 39. Л. 72–73.
5. ГАКО Ф. Р. 286. Оп. 1. Д. 35. Л. 45.
6. ГАОПДКО Ф. 7. Оп. 1. Д. 297. Л. 66.
7. ГАПО (Государственный архив Пермской области) Ф. Р. 129. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.
8. ГАПО Ф. Р. 129. Оп. 1. Д. 7. Л. 13.
9. ГАПО Ф. Р. 127. Оп. 1. Д. 21. Л. 139.
10. ГАПО Ф. Р. 127. Оп. 1. Д. 36. Л. 300.
11. ГАПО Ф. Р. 129. Оп. 1. Д. 33. Л. 10; Ф. Р. 127. Оп. 1. Д. 36. Л. 34.
12. ГАСО (Государственный архив Свердловской области) Ф. Р. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 29.
13. ГАСО Ф. Р. 245. Оп. 3. Д. 9. Л. 84–85.
14. ГОПАПО (Государственный общественно-политический архив Пермской области)

ти) Ф. 2. Оп. 1. Д. 30. Л. 23; ГАПО Ф. Р. 127. Оп. 1. Д. 36. Л. 297, 300.

15. Ежедельник советской юстиции. – 1922. – № 31–32. – С. 2–5.

16. Ежедельник советской юстиции. – 1923. – № 1. – С. 24.

17. Ежедельник советской юстиции. – 1924. – № 7–8. – С. 2.

18. Ежедельник советской юстиции. – 1929. – № 7. – С. 162–164.

19. Известия. – 1922. – № 10 (46). – С. 19.

20. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области) Ф.

Р. 135. Оп. 1. Д. 2. Л. 116.

21. Право и политика. – 2004. – № 4. – С. 109.

22. Смирнов, В. Н. История адвокатуры Среднего Урала / В. Н. Смирнов, Р. Р. Усманов – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 1999. – 360 с.

23. ЦДОСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области) Ф. 4. Оп. 2. Д. 14. Л. 146–147.

24. Шаламов, М. П. История советской адвокатуры / М. П. Шаламов – М., 1939. – 64 с.

Камалова Галина Тимофеевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: kamalova_galina@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 2 марта 2015 г.

NATURE OF ACTIVITIES OF THE SOVIET ADVOCACY IN THE YEARS OF NEP

G. T. Kamalova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article is devoted to detection of features of realization of protection function in the Soviet court. Transition to new economic policy requires law enforcement for all categories of the population at consideration of civil and criminal cases. In the article the author considers revival of advocacy in connection with transition to new economic policy, shows its continuity with the pre-revolutionary. The analysis of the principles of selection of personnel (a class association, party affiliation) testifies an aspiration of governing party to the establishment of effective control of composition and organizational structure of bars. Special attention is paid to studying of functions and forms of activity of advocacy in the Ural region depending on stages of new economic policy and changes of composition of governing party.

Keywords: *new economic policy, advocacy, Russian Communist Party (Bolsheviks), the Ural region, party affiliation, class approach, bars.*

References

1. Brandenburgskiy Ya. N. [Revolutionary law, public prosecutors and lawyers]. *Sovetskoe pravo [Soviet law]*, 1922, no. 2, pp. 3–16.

2. Brandenburgskiy Ya. N. [To the question of the legal aid to the population]. *Ezhenedel'nik sovetской yustitsii [Weekly Soviet justice]*, 1924, no. 7–8, pp. 1–2.

3. GAKO (Gosudarstvennyy arkhiv Kurganskoy oblasti) [State Archive of the Kurgan region]. F. R. 178. Op. 2. D. 7. L. 1.

4. GAKO (Gosudarstvennyy arkhiv Kurganskoy oblasti) [State Archive of the Kurgan region]. F. R. 782. Op. 1. D. 39. L. 72–73.

5. GAKO (Gosudarstvennyy arkhiv Kurganskoy oblasti) [State Archive of the Kurgan region]. F. R. 286. Op. 1. D. 35. L. 45.

6. GAOPDKO F.7. Op. 1. D. 297. L. 66.
7. GAPO (Gosudarstvennyy arkhiv Permskoy oblasti) [State Archive of the Perm region]. F. R. 129. Op. 1. D. 16. L. 13.
8. GAPO (Gosudarstvennyy arkhiv Permskoy oblasti) [State Archive of the Perm region]. F. R. 129. Op. 1. D. 7. L. 13.
9. GAPO (Gosudarstvennyy arkhiv Permskoy oblasti) [State Archive of the Perm region]. F. R. 127. Op. 1. D. 21. L. 139.
10. GAPO (Gosudarstvennyy arkhiv Permskoy oblasti) [State Archive of the Perm region]. F. R. 127. Op. 1. D. 36. L. 300.
11. GAPO (Gosudarstvennyy arkhiv Permskoy oblasti) [State Archive of the Perm region]. F. R. 129. Op. 1. D. 33. L.10; F. R. 127. Op.1. D. 36. L. 34.
12. GASO (Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti) [State Archive of the Sverdlovsk region]. F. R. 7. Op. 1. D. 215. L. 29.
13. GASO (Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti) [State Archive of the Sverdlovsk region]. F. R. 245. Op. 3. D. 9. L. 84–85.
14. GOPAPO (Gosudarstvennyy obshchestvenno-politicheskiy arkhiv Permskoy oblasti) [State socio-political Archive of the Perm region]. F. 2. Op. 1. D. 30. L. 23; GAPO F. R. 127. Op. 1. D. 36. L. 297, 300.
15. Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii [Weekly Soviet justice], 1922, no. 31–32, pp. 2–5.
16. Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii [Weekly Soviet justice], 1923, no. 1, pp. 24.
17. Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii [Weekly Soviet justice], 1924, no. 7–8, pp. 2.
18. Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii [Weekly Soviet justice], 1929, no. 7, pp. 162–164.
19. Izvestiya [News], 1922, no. 10 (46), p. 19.
20. OGACHO (Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti) [Join State Archive of the Chelyabinsk region] F. R. 135. Op. 1. D. 2. L. 116.
21. Pravo i politika [Law and Politics], 2004, no. 4, p. 109.
22. Smirnov V. N., Usmanov R. R. Istoriya advokatury Srednego Urala [History of the Bar of the Middle Urals]. Ekaterinburg, 1999, 360 p.
23. TsDOOSO (Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti) [Documentation Centre of public organizations of the Sverdlovsk region]. F. 4. Op. 2. D. 14. L. 146–147.
24. Shalamov M. P. *Istoriya sovetskoy advokatury* [History of the Soviet Bar]. Moscow, 1939, 64 p.

Galina Timofeevna Kamalova – Doctor of Science (History), Professor of Theory and History of State and Law Department, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: kamalova_galina@mail.ru.

Received 2 March 2015.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Камалова, Г. Т. Характер деятельности советской адвокатуры в годы НЭПа / Г. Т. Камалова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 12–18.

FOR CITATION

Kamalova G. T. Nature of activities of the soviet advocacy in the years of NEP. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 12–18. (in Russ.)